

Георгий КАЮРОВ

СЛАДКОЕ ДЕТСТВО

Рассказ

– Дядь Коль, а правда, солнце опускается спать в Кодры?

– Что ты спросил? – Николай не сразу смог оторваться от своих мыслей. Он обернулся и даже сощурился, уж очень малого росточка был спрашивающий, чтобы быстро сосредоточить внимание на нем. Николай вообще-то не любил детей, а Лёшика, младшего сына своего давнего товарища Гришки, совсем не переносил. Леша стоял на коленках на стуле и, подперев подбородок руками, мечтательно глядел на небо. Он не ответил, а Николай не спешил переспрашивать, внимательно рассматривая маленькую фигурку ненавистного мальчишки. Неизвестно, сколько бы они так просидели, но Лёшик, не отрывая взгляда, все-таки тихо повторил:

– Солнце спать опускается в Кодры?

– Возможно, – Николай тоже перевел взгляд на вечернее небо. Хотелось додумать свое, но не получилось. Гадкий мальчишка все перебил. – Где твоя бабушка?

– Она в туалете осталась, – не шелохнувшись, ответил Лёшик. – Руки моет.

– Ты сам-то в туалет ходил? Не напудишь в машине?

– Не-а. – Только теперь Лёшик обернулся, и его личико засияло улыбкой. – Я уже большой.

– Я вижу, что ты большой, – Николай снова посмотрел на Лёшика. В этот раз его поразила солнечная улыбка мальчика. Что-то потеплело у него в душе при взгляде на этого маленького человечка. Николай не смог справиться с эмоциями, и приветливая улыбка непроизвольно сверкнула в уголках глаз.

– Я сегодня пойду папу на поезд провожать, – важно сообщил Лёшик, и тут же сник. – Маму не получилось... – он что-то еще хотел добавить, но умолк и потупился, сглатывая неожиданно подступивший к горлу ком.

– Что так? – поинтересовался Николай, отпивая глоток кофе. Ему и самому требовалось стряхнуть сантименты. – Мама тоже уехала?

– Да, – кивнул Лёшик и, содрогнувшись от того, в чем предстояло сознаться, тише добавил: – Отдыхать от меня.

– Хорош герой, – спокойно отметил Николай. – Такой герой, что от тебя даже мама сбежала, – с этими словами Николай обернулся к Лёшику и хотел сказать что-то еще позлее, но осекся. – Чего ж ты ее не проводил? – спросил он более ласково. Николай всматривался в Лёшика. Этот маленький, неприятный Николаю человек страдал совсем как взрослый и совсем как взрослый мужчина боролся со своим страданием. Николай вглядывался в Лёшика, а тот стоял, не шелохнувшись, но было видно, каких усилий ему стоит совладать с внутренней трагедией, которая рвалась наружу и должна была бы вылиться в самый обычный детский рев. Николай был свидетелем того, как этот маленький мальчик Лёшик справился с самой большой своей уже человеческой трагедией.

– Когда я спал... – тихо начал он, и было видно, Лёшику очень хочется кому-то рассказать о своей обидной тайне, – мама с бабушкой договорились, что бабушка отведет меня в кафе кушать мороженое, а мама в это время потихоньку уедет. – Лёшик что-то еще хотел сказать, но в этот момент раздался голос Галины Ивановны, его бабушки.

– А-а, ты здесь? Сказала же, жди у двери, я только руки сполосну.

То ли появление бабушки, то ли ее зычный голос стряхнули с Лёшика весь ужас, который он только что пережил и который открылся Николаю, и уже в следующее мгновение Лёшик посмотрел на Николая лучезарной улыбкой. Как будто и не было ничего, а мама сидит дома и ждет, когда он вернется. Только две слезинки – одна на реснице, а другая на щеке – предательски застыли. И с ними Лёшик справился легко – смахнул рукавом.

– Я сейчас допью кофе, и поедem, – громко сказал Николай, желая прервать причитания Галины Ивановны. Ему не хотелось, чтобы при нем отчитывали мальчишку, чем частенько грешила Галина Ивановна. Очень она любила прилюдные бичевания внуков.

– Знаете что, Николай, – не останавливалась Галина Ивановна, – вы поезжайте, а мы сами домой доберемcя. Пообедаем и потом на вокзал.

– Я отвезу, мне нетрудно, – вяло возразил Николай. Ему и самому не хотелось ехать на Боюканы – в другой конец города.

– Вы лучше езжайте за Гришей с Максимом. Лучше раньше приехать, чем опоздать на поезд.

– Ну, смотрите, – согласился Николай. – А то отвезу?

– Мы сами доедем. Да, Леш? – Галина Ивановна опять обратилась к Николаю. – Езжайте, встретимся на вокзале.

– Доедем, – с грустью согласился Лёшик и протянул руку. По его глазам было видно, что он не прочь прокатиться на машине.

– Хорошо. Пока, Лёшик, – попрощался Николай, сжимая протянутую руку мальчика. – А вот руку первым протягивать старшим нехорошо, – не удержался от наставлений Николай. – Это признак заискивания, лицемерия.

– Я не заискиваю, дядь Коль, – тяжело вздохнув, сказал Леша и посмотрел грустными глазами на Николая. Второй раз за последние полчаса у Николая дрогнуло сердце, и чтобы хоть как-то побороть в себе сентиментальность, он грубо отрезал:

– Ладно, ступай, – и, ухмыльнувшись, тише добавил – Не заискивает он, видите ли, – однако грубо не получилось, и Лёшик это почувствовал, потому что в ответ улыбнулся, но уже через плечо, потому, что бабушка тянула его за руку к выходу. Николай залпом запил стаканом воды последний глоток холодного кофе и резко встал.

Николай рванул автомобиль с места, оставив на асфальте короткий черный след и пугнув прохожих визгом резины. Торопился за Гришкой и его старшим сыном в соседнее с городом село.

– Тихо, тихо, – сам себя успокаивал Николай, притормаживая набравший скорость автомобиль. Настроение было ни к черту. Вообще-то, какое ему дело до того, что Гришка решил развестись с женой? Но вот этот Лёшик, наверное, и Максим переживает за родителей, а главное – Николай никак не мог представить, как они теперь будут жить. Нет, он, конечно, знал, что ничего необычного нет в разводах – много людей разводятся и затем хорошо живут, но душа Николая сопротивлялась, не хотела принимать вот так просто развод приятелей. Он даже пожалел, что согласился отвезти Гришку на вокзал. Гришка возвращался в Москву и забирал с собой Максима погостить пару недель у своих родителей. Сейчас для Николая стало жестоким откровением, что Лёшик остается в Кишиневе с бабушкой. Николай готов был согласиться, что остается, но хотя бы с матерью, а не с бабушкой, а тут узнал, что и Маринка – жена Гришки, втихаря от сына улизнала... И куда? Отдохнуть!

Николая еще больше разозлило и то, что Гришка погрузил свои вещи в его машину и расположился на сиденьи так, будто сел в такси. Николай вспомнил фигурку Лёшика, борющегося с обидой, и ему даже захотелось чуточку стать похожим на Лёшика и тоже побороть в себе желание выговорить товарищу все, что накипело за этот день.

Ехали не спеша. Говорили мало, в основном, чтоб заполнить паузу. Доставал вопросами Максим. Когда приехали на вокзал, поезд уже стоял на платформе. Быстро выгрузились, и Гришка побежал к кассам, оставив их с Максимом на перроне. Рассматривая пассажиров, Николай даже забыл о Лёшике. Ему хотелось быстрее распрощаться с Гришкой и доставучим его сыном Максимом, который, пока Гришка бегал оплачивать багаж, успел задать с десятков вопросов. Что такое линейный поезд? Почему он едет туда, а не сюда? Что такое депо, и где оно находится? Почему поезд едет в депо и как туда заезжает? Максим переспрашивал обо всем, о чем объявлял диктор. Когда Гришка прибежал с багажными билетами в руках, Николай встретил его вопросом:

– Ты чего сыну не объяснишь, что такое депо?
– Что? – не понял или не расслышал Гришка.
– Ничего, – отмахнулся раздосадованный Николай и схватил чемодан. – Пошли. В какой стороне вагон?
– Та-ак, – уставившись в билеты, протянул Гришка. – Вагон двенадцатый. Значит, нам туда, – и махнул вправо.
– Папа! – завопил Максим. – Объявили, нумерация слева направо.
– Я и показываю – туда, – и, схватив тяжеленный рюкзак, Гришка понесся вдоль вагонов. Следом поплелись и Николай с Максимом.
Николай, зашвырнув неподъемный чемодан в багажник под нижней полкой, направился к выходу. Оставив Максима в купе, Гришка вышел следом. Выходя из вагона, Николай увидел внизу Лёшика. Задрав голову, Лёшик бегал глазами по всему, что было перед ним, пока взгляд его не остановился на Николае. Николай собрался махнуть мальчику, но заметил, что Лёшик не видит его, словно смотрит насквозь.
– Леша! Папа здесь, – позвал Гриша, выглядывая из-за спины Николая. В этот миг лицо Лёшика засияло от счастья, он увидел всех сразу.
– Пап! Я здесь. Дядь Коль, привет! – Лёшик радостно глядел на поезд и замахал сразу обеими руками.
– Подожди махать, мы еще не едем, – выфсочив из вагона и беря сына на руки, сказал Гришка. – Ну, как ты, сына?
– Папа! – Лёшик не слышал вопроса отца. – Правда, ты обещал...
– Не доставай, – оборвал сына Гришка. – На следующий год я тебя возьму с собой, и ты поедешь на поезде.
– А можно... – Лёшик не договорил. Оглянулся по сторонам. Поймал взгляд дяди Коли. Николай быстро отвернулся. Он не хотел быть свидетелем Лёшикиной просьбы и ловил себя на желании, что вообще не хочет быть участником всего перед ним происходящего. Лёшик прильнул к уху отца и что-то шепнул.
– Ну, пойдем, – согласился Гришка. Он поставил сына на пол тамбура, и сам поднялся в вагон. Николай не мог объяснить своего любопытства, но пошел следом. Он всматривался в фигурку Лёшика, и его сердце сжималось все сильнее и сильнее, а то вдруг разжималось, и тогда к лицу приливалась горячая волна. Лёшик летел по вагону и вертел головой по сторонам, всматриваясь в каждый предмет, в лица пассажиров. Когда же его глаза встречались с чьим-то взглядом, они воспалялись восторгом. Наконец, Лёшик увидел Максима. Он только на мгновение остановил свой взгляд на брате и тут же занялся обследованием купе. Николаю показалось, что Лёшик только на потолке не побывал. Он заглянул всюду. Потрогал полки, матрацы, подушки. Залез под стол и восхищенно посмотрел оттуда на Николая. Николай успел отвернуться – ему хотелось перевести дыхание.
– Дядь Коль! – позвал Лёшик. Николай обернулся и подмигнул Лёшику. Лёшик ответил тем же. Затем он вылез из-под стола и уселся на полке. Схватился обеими ручонками за матрац, и его взгляд устремился куда-то далеко. Запыхавшийся от восторга Лёшик вдруг затаил дыхание и замер. Николай смотрел на Лёшика и видел, как тот едет с отцом в Москву. Ничто не могло прервать его пути. Николай увидел и изумился своей догадке. Он видел, как Лёшик едет в Москву в следующем году. Никого нет рядом. Только он и папа. И поезд, уносящий его в далекую столицу.
– Все, – не выдержал Николай, высматривая что-то за окном. – Поехали. Гришка, дождь начинается. Я твоих отвезу, а то промокнут.
– Да, да, – согласился Гришка. – Спасибо тебе. Сына, давай прощаться.
Лёшик сверкнул в дядю Колю глазами, но Николая не волновала злость пацаненка, он спешил покинуть вагон. Уже в тамбуре его догнали Гришка и Лёшик.
– Алексей, не спеши, – остановил сына Гришка. – Папа первым выйдет и тебя заберет.

– Все, – торопился распрощаться с товарищем Николай. – Давай, Гриш, пока. Как приедешь, позвони. А так созвонимся, если что. – И Гришкиной теще бросил: – Я вас отвезу. Догоняйте.

– Ой, спасибо, – растрогалась Галина Ивановна. Она еще что-то хотела сказать, но Николай ее уже не слышал. Он спешил укрыться от дождя под навесом вокзала. Поезд тронулся. Провожающие неохотно расходились. Дождь усилился и хоть был мелким, но сыпал плотно. Николай обернулся, выглядывая Галину Ивановну и Лёшику. Они все еще стояли на перроне, а поезд мимо них набирал скорость. Лёшик мотал головой следом за окнами ускоряющегося состава. Галина Ивановна достала пожухлую, пожелтевшую полиэтиленовую пленку и принялась закутывать в нее внука. Она словно платком обмотала Лешкину голову, обкрутила коконом его всего и подоткнула края пленки Лёшику подмышки, показав ему, что надо еще и придерживать пленку. Лёшик послушно стоял и все исполнял, а сквозь пленку цепким взглядом провожал уходящий поезд. Галина Ивановна раскрыла маленький зонтик, схватила внука за руку, и они направились догонять Николая. Точнее Галина Ивановна частила, вымеряя шаг в такт маленьких шагов внука, Лёшик же шел как на привязи, продолжая взглядом цепляться за хвост поезда, и подпрыгивать за бабушкой.

Ехали молча, продираясь сквозь потоки машин и воды. Дворники едва успевали снимать воду с лобового стекла. На светофоре остановились, и только теперь Николай увидел в зеркале заднего вида Лёшику. Мальчик сидел посередине дивана, уцепившись обеими ручонками в подголовники передних кресел. Он словно ждал, когда дядя Коля на него посмотрит, поймал его взгляд и криво улыбнулся.

– Леша, – позвал Николай. – Конфету будешь?

– А ты? – вяло поинтересовался Лёшик.

– Не ты, а вы, – наставила внука Галина Ивановна. – Нехорошо старшим тыкать.

Николай достал две конфеты. Одну – протянул Лёшику, а другую – развернул и отправил себе в рот. Затем опять посмотрел на Лёшику в зеркало и подмигнул, а тот ответил ему улыбкой во всю ширь своей маленькой физиономии.

– Дядь Коля, ты же не ешь конфет! – завопил от восторга Лёшик.

– Алексей, тише! – поморщилась Галина Ивановна. – Все уши прокричишь.

Но Лёшик не обращал внимания на бабушку. Леденец стучал у него во рту, переносимый с одной щеки под другую и исправлял горькое настроение. У Николая тоже настроение приподнялось. Неожиданно дождь прошел, и солнце пробилось сквозь тучи.

Последний поворот, и они остановились у калитки дома Галины Ивановны. Николай молча ждал, пока бабушка и внук выйдут, но Лёшик не спешил. И когда бабушка с улицы позвала его, то еще крепче схватился за подголовники кресел и разразился истеричным смехом. Николай даже обернулся и с тревогой уставился на Лёшику. Галина Ивановна пыталась отцепить внука, а он до дрожи сжимал руки на хромовых стойках подголовников и ржал с еще большей силой. У бабушки не получалось оторвать его, а Лёшику это возбуждало все сильнее и сильнее.

– Алексей! – злилась бабушка. – Ну, выходи же! – она все еще пыталась оторвать внука от кресел, но ничего не получалось. Наконец, Галина Ивановна умоляюще посмотрела на Николая. Лёшик тоже смотрел на дядю Колю, но со злобным восторгом.

Николай отвернулся – сами разбирайтесь...